Память как нравственный компас

Я учусь в 10 классе, мне шестнадцать лет – моему прадеду Евдокимову Алексею Митрофановичу было столько же, когда он принял твердое решение пойти на войну. Как сейчас вижу худенького юношу, который стоит перед военкоматом… Он понимает, что больше , возможно, не увидит родной дом, мать и сестер, ведь впереди его ждет неизвестность, но делает шаг вперед, потому что знает: так надо. То, что пареньку нет еще восемнадцати, в военкомате не узнали, поверили на слово. Размышляя о выборе прадедушки, я задаюсь вопросом : «А я смог бы так поступить?».

Военная биография Алексея Митрофановича обширна: форсировал Днепр, с боями дошел до Берлина, а после Великой Победы был переброшен на Дальний Восток для участия в Маньчжурской наступательной стратегической операции. Прошло долгих семь лет, прежде чем Солдат Победы вернулся в родной дом.

Боевой путь прадедушки в нашей семье знают все, сохранились фотографии, письма с фронта, жива моя бабушка Карабатова Лидия Алексеевна. Часть информации удалось получить в Златоустовском архиве и с сайта «Память народа». Я же хочу подробнее остановиться на воспоминаниях прадедушки, которые бережно хранит моя бабушка. От некоторых рассказов холодеет сердце и подступает ком к горлу… Просто не укладывается в голове, как человек смог вынести весь ужас испытаний, выпавших на его долю, и не зачерстветь душой и сердцем.

Одно из самых страшных —строительство моста через Днепр под обстрелом в октябре 1943 года. Перед нашими солдатами была поставлена задача создать плацдармы на правом берегу для дальнейшего наступления.

Воображение рисует картины: река, широкая, мощная… Обстрелы. Свист снарядов. Бомбежки. Вода взметается фонтанами, осколки режут воздух, а люди – работают. Ночью. В холодной воде. Под прицелом. Они вбивали сваи, скрепляли бревна, проверяли каждый узел. Руки коченели, гимнастерки промокали насквозь, но останавливаться было нельзя. Каждый

час промедления – потерянные жизни, упущенные шансы. На том берегу-фашисты. Им надо во что бы то ни стало помешать переправиться нашим войскам! Обычные мосты они сразу бы разбомбили – с самолетов все видно. А наши инженеры придумали невероятное – мост, конструкция которого уходила ниже уровня воды и была тщательно замаскирована под естественный рельеф дна.

Бабушка подробно рассказывала о том, как взвод прадеда валил лес, чтобы гатить топкие участки, как бойцы до крови стирали кожу на руках о мокрые стволы деревьев, как они забивали сваи, стоя по пояс в ледяной воде, где под ногами— бездонная трясина.

На мой взгляд, строительство моста стало символом упорства, бесстрашия и воли к победе наших бойцов: даже когда все против тебя, когда враг сильнее и кажется, что выхода нет, - человек способен найти путь. Через воду. Через огонь. Через смерть.

Не могу не рассказать еще об одной военной операции, непосредственным участником которой стал мой прадед - это форсирование Пинских болот (находятся на Севере Украины) в конце 1943 года. Болота прикрывали фланги немецкой обороны, они были своего рода барьером и мешали маневру советских войск. Прямое наступление привело бы к неминуемым потерям, поэтому обход через болота позволял выйти во фланг и тыл противника. Со слов бабушки, прадед видел, как полузамерзшая мешанина заглатывала товарищей, лошадей, повозки, а сделать в этот момент ничего не мог: один неосторожный шаг – и он мог оказаться на их месте. Когда я представляю Пинские болота, у меня перехватывает дыхание. В этот момент болота становятся не просто географическим объектом, а местом, где сама земля будто восстала против человека, местом, где любой неосторожный шаг или движение могли стать последними. Сырость, мерзлое крошево, топи, где исчезали люди и техника. Там прадед отморозил ноги. После войны они постоянно болели, не давая забыть солдату, что ему пришлось пережить.

Холодящим кровь воспоминанием, услышанным из уст бабушки, является рассказ прадедушки о том, как его отряд принял решение расположиться на ночь в церкви одной из освобожденных деревень, чтобы обсушить одежду и немного поспать. Пробирались туда под покровом темноты, а когда вошли, то увидели, что церковь доверху набита трупами. Озверевшие фашисты перед отступлением расстреляли все мирное население. Дети, женщины, старики— все вместе, как будто смерть уравняла их в последнем пристанище. О каком отдыхе могла идти речь?... Алексей Митрофанович с товарищами рыл канавы, чтобы захоронить погибших. Как можно вынести такое, трудно даже представить…

Чтобы идти дальше, нужны были силы, а где их взять? Кухня далеко отставала от наступающих войск, солдатам приходилось питаться палой кониной, пользоваться пайками убитых врагов и есть что придется, от случая к случаю. Воду пили прямо из луж, спали и в воде, и на сырой земле.

Слушая эти истории, я ловлю себя на мысли: а смог бы так я? Смог бы, стоя по пояс в ледяной воде, скреплять бревна, идти через болота, хоронить незнакомых людей, есть падаль, пить из луж – и не сломаться?

Мне шестнадцать лет, я учусь в 10 классе… Я еще точно не определился, кем стану и куда приведет меня дорога жизни, но твердо знаю одно: я не смогу предать память о прадеде, не смогу отступить. Не имею права… Все потому, что мой прадед в свои шестнадцать уже все решил, а мне остается одно – жить и оправдывать его выбор.